

№131

Январь

2021 г.

Газета издаётся по благословию
Преосвященного Владимира,
епископа Новокузнецкого
и Таштагольского

Свет Православия

7 января

Поздравляем с
Рождеством Христовым
и Новым годом!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ВЛАДИМИРА, ЕПИСКОПА НОВОКУЗНЕЦКОГО И ТАШТАГОЛЬСКОГО, ПАСТЫРЯМ, ДИАКОНАМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ

**Возлюбленные о Господе досточтимые отцы,
всечестные иноки и инокини,
дорогие братья и сестры!**

Сердечно приветствую и поздравляю вас со светлым и радостным праздником Рождества Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа!

Рождество открыло нам Бога с иной, непостижимой стороны.

Бог во Христе явился нам удивительным образом. Древние народы понимали Его, как великого, грозного и недоступного владыку. И лишь две тысячи лет назад Он открылся человечеству, как милосердный, мудрый, прощающий отец и учитель. Отец, который не только создал, воспитывает и учит жизни. Но который своим примером показал, как надо жить, верить и любить. Рождество Христово открыло нам величие самого человека. Человек настолько велик, что Бог становится человеком, а наша природа становится богоносной! Она открывается нам в славе, которую мы сами зачастую не замечаем, но которую видит в нас Бог и ради которой он сотворил человека и весь окружающий мир.

Господь призывает людей не забывать об этой славе. Он призывает нас видеть в человеке красоту, которой Он всех наделил. И красота эта называется образом Божиим в человеке.

Рождество Христово показало нам любовь, которую мир прежде не знал. Эта любовь щедрая, жертвенная, она отдает всю себя без остатка. Эта любовь «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, все покрывает, всему верит, все переносит» (1Кор. 13:4-7).

Господь в Евангелии сказал, что «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). И чтобы этот свет продолжал светить, все мы должны быть свидетелями и провозвестниками Евангелия Христова и Славы Божией.

Дорогие отцы, братья и сестры! Я также сердечно поздравляю вас с наступающим новолетием. Минувший год принес всем нам немало скорбей и испытаний. Но мы должны помнить, что испытания ниспосылаются нам Богом лишь для укрепления нашей веры. И Господь особенно близок к нам в трудную минуту. Возблагодарим же Господа за прожитый год!

Человеку всегда свойственно надеяться и верить в хорошее. Поэтому будем молить Милосердного Бога оградить нас от всяких напастей в будущем году. Призываю на всех благословение Божие, «Того благодатию и человеколюбием всегда: ныне, и присно, и во веки веков! Аминь».

***Владимир,
епископ Новокузнецкий и Таштагольский***

*Рождество Христово
2020/2021 г.,
г. Новокузнецк*

Рождество Христово

Празднуется Православной Церковью 7 января

Рождество Христово

Во время царствования в Иудее Ирода, который был под властью Рима, римский император Август издал повеление сделать в подчиненной ему земле иудейской всенародную перепись. Каждый иудей должен был записаться там, где жили его предки.

Иосиф и Дева Мария происходили из рода Давидова и потому отправились из Назарета в город Давидов Вифлеем. Придя в Вифлеем, они не могли найти себе места в доме, в гостинице, и остановились за городом, в пещере, куда пастухи загоняли скот в ненастную погоду. В этой пещере ночью у Пресвятой Девы Марии родился Младенец – Сын Божий, Христос Спаситель мира. Она спеленала Божественного Младенца и положила Его в ясли, куда кладут корм для скота.

Вифлеемские пастухи первые узнали о рождении Спасителя. В эту ночь они пасли свои стада в поле. Вдруг явился перед ними ангел Божий, и свет Господень осиял их. Пастухи испугались.

Ангел же сказал им: «не бойтесь! Я возвещаю вам великую радость, которая будет не только для вас, но и для всех людей: ныне родился в городе Давидовом (то есть Вифлееме) Спаситель, Который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях».

Как только ангел сказал это пастухам, внезапно явилось с ним множество других ангелов. Они славили Бога и пели: **«слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение».**

Когда ангелы скрылись, пастухи сказали друг другу: «пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь».

Они, поспешив, пришли в пещеру

и увидели там Марию, Иосифа и Младенца, лежащего в яслях. Они поклонились Младенцу и рассказали о том, что видели и слышали от ангелов. Мария же сохраняла в сердце своем все слова их.

После этого, пастухи возвратились к стадам своим, слава и благодаря Бога за все, что слышали и видели.

На восьмой день после рождения Спасителя Мать Его с Иосифом, согласно закону, дали Ему имя **Иисус**, которое указано было Господом через Ангела.

Поклонение волхвов

Еще Иосиф и Пресвятая Мать Божия с Младенцем Иисусом оставались в Вифлееме, как из далекой страны с востока (из Персии или Вавилонии) пришли в Иерусалим **волхвы**.

Волхвами или мудрецами назывались ученые люди. Они занимались наблюдением и изучением звезд. В то время люди верили, что при рождении великого человека появляется на небе новая звезда. Многие язычники, наученные рассеявшимися иудеями, знали о грядущем в мир Мессии – Великом Царе Израильском, Который покорит весь мир. Поэтому ждали, что когда родится этот Царь, то на небе появится новая звезда. Волхвы же эти были люди благочестивые, и Господь, по милости Своей, дал им такое знамение – на небе появилась новая, необычайная звезда. Увидев эту звезду, волхвы сразу поняли, что ожидаемый Царь уже родился. Они собрались в путь и пошли в столицу иудейского царства, Иерусалим, чтобы узнать там, где этот Царь родился, и поклониться Ему.

В Иерусалиме волхвы стали спрашивать: «где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему».

Царь Ирод, услышав это, встревожился: он был человек весьма жестокий и очень подозрительный. По одному подозрению он предавал казни своих собственных детей. А теперь он особенно испугался, боясь, как бы у него не отняли власть и не передали царский престол новорож-

денному Царю. И все жители Иерусалима заволновались, узнав о такой вести.

Ирод собрал к себе всех священников и книжников, то есть людей изучавших книги священного писания, и спросил их; «где должно родиться Христу?»

Они ответили: «в Вифлееме иудейском, потому что так написано у пророка Михея».

Тогда Ирод тайно призвал к себе волхвов, выведал у них время появления звезды, послал их в Вифлеем и сказал: «пойдите и там хорошенько все узнайте о Младенце, и когда найдете Его, придите и скажите мне, чтобы и я мог пойти поклониться Ему». На самом же деле Ирод задумал убить родившегося Царя.

Волхвы, выслушав царя Ирода, пошли в Вифлеем. И снова та самая звезда, которую они видели прежде на востоке, появилась на небе и, двигаясь по небу, шла перед ними, указывая им путь. В Вифлееме звезда остановилась над тем местом, где находился родившийся Младенец Иисус.

В это время святой старец Иосиф и Пресвятая Дева Мария с Младенцем жили в городе, в доме, куда они перешли из пещеры, так как народ после переписи стал расходиться.

Волхвы вошли в дом и увидели Младенца Иисуса с Матерью Его. Они поклонились Ему до земли и поднесли Ему дары (подарки) свои: **золото, ливан (ладан) и смирну** (драгоценное, благовонное масло).

Своими дарами волхвы показали, что родившийся Младенец Иисус есть и Царь, и Бог, и человек. Золото они принесли Ему, как Царю (в виде дани, или подати), ладан, как Богу (потому что ладан употребляется при богослужении), а смирну, как человеку, который должен умереть (потому что умерших помазывали и натирали тогда благовонными маслами).

После этого волхвы хотели возвратиться в Иерусалим к Ироду, но получили от Бога во сне повеление не возвращаться к Ироду. Тогда они пошли по другой дороге, прямо в свою землю.

Предание сохранило имена волхвов, которые потом стали христианами, это были: **Мельхиор, Гаспар и Валтасар**. Память их св. Церковью

празднуется в день Рождества Христова.

Рождество Господа нашего Иисуса Христа св. Православною Церковью празднуется **25-го декабря** (7 янв. н. ст.). К этому великому празднику мы приготавливаем себя сорокадневным постом, который называется **Рождественским постом**. Канун Рождества Христова называется **сочевником** или **сочельником**, потому что в этот день, по уставу церковному, положено есть **сочиво**, то есть вареную крупу с медом, да и то вечером, с появлением первой звезды. См. Евангелие от Матфея (Мф.2:1–12).

Тропáрь ПРАЗДНИКА, ГЛАС 4

Рождество Твое, Христэ Бже наш, / возсия миру свет разума, / в нем бо звездам служащий / звездою учахуся / Тебэ кланятися, Солнцу Правды, / и Тебэ ведети с высоты востока. // Гбсподи, слава Тебэ.

ПЕРЕВОД:

Твое рождество, Христос Бог наш, просветило мир светом познания (то есть познания истинного Бога): через него (т. е. рождество) поклонявшиеся звездам звездою были научены поклоняться Тебе, солнцу правды, и познать Тебя, Восток свыше. Господи, слава Тебе!

Под **служащими звездам** разумеются здесь **волхвы**, то есть мудрецы, которые изучали звезды и поклонялись им; **Тебе ведети** – Тебя знать; **Солнцем правды** и **Востоком с высоты** называется Иисус Христос, просветивший людей Своим учением.

КОНДАК ПРАЗДНИКА, ГЛАС 3:

Дева днесь Пресущественнаго раждает, / и земля вертеп Неприступному принбсит. / Ангели с пастырьми славословят, / волсви же со звездою путешествуют: // нас бо ради родися Отроча Млаго, Превечный Бог.

ПЕРЕВОД:

Сегодня Дева рождает Того, Кто превыше всего существующего, и земля приносит пещеру Неприступному; ангелы с пастухами славят Бога, волхвы же со звездою путешествуют; потому что для нас родился Младенец, Который есть вечный Бог.

Кондак – краткая песнь, содержащая историю праздничного события; **Пресущественнаго** – Существующего прежде всех веков, то есть всегда; **вертеп** – пещера; с **пастырьми** – с пастухами; **славословят** – поют, славят Бога; **Отроча младо** – младенец.

Проповедь на Рождество Христово

Сурожский Антоний (Блум)

Рождество Христово, которое мы сегодня празднуем с такой легкостью сердца, с такой благодарностью и радостью, – в центре внимания не только нас, людей, но и всей твари (всего творения), потому что это **Рождество** – воплощение Слова Божия – принесло нам **небывалую**, непостижимую, новую весть как о Боге, так и о человеке, и о всём Божественном творении.

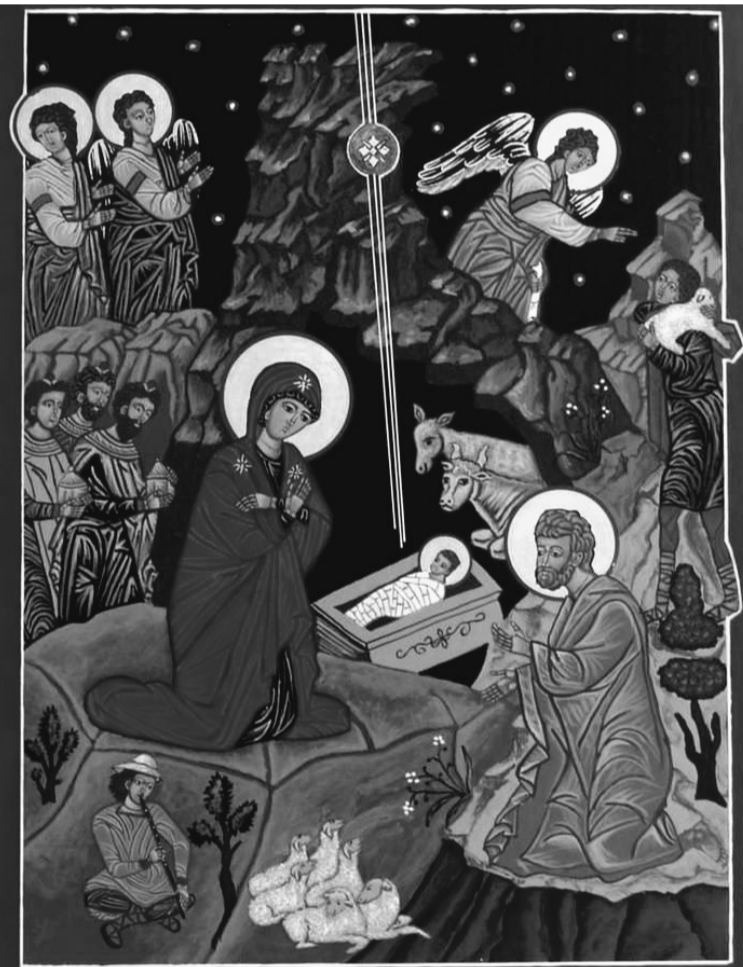
Во Христе Бог явился нам небывалым и непостижимым образом. Языческие народы могли себе представить Бога Великого, Бога Небесного, как бы воплощающего всё великое, величественное, дивное, о чём только человек может мечтать на земле. Но *только* Сам Бог мог открыться человеку таким, каким Он открылся в Рождестве Христовом: Бог стал одним из нас. При этом

Он стал человеком не в славе, а в немощи – беспомощным и обездоленным, уязвимым и словно бы побежденным, презренным для всех, кто верит только в *силу* и в *земное величие*. В эту первую ночь, когда Бог стал человеком, когда **Сам Живой Бог** обитал плотью среди нас на земле, Он приобщился к самой тяжелой человеческой обездоленности. **Никто** не принял Его Мать под свой кров; **все** сочли Его чужим, все отослали Его на далёкий, бесконечный путь, простирающийся перед странниками без крова и без привета. И они вступили на этот путь.

Так в эту первую ночь на земле Христос приобщился всем тем, кто из века в век проходят через жизнь и телесно, и духовно отброшенными, презренными, нежеланными, исключенными из человеческого общества. А таких людей в истории человечества – *несметное* количество. И по сей день – *увы!* – и в больших городах, и на просторах земных – сколько таких людей, которым *некуда* пойти, которых *никто* не ждет, о которых *никто* не воздыхает, которых *никто* не готов открыть свой дом. Так происходит потому, что для других людей они – чужие, либо же потому, что другим страшно приобщиться судьбе этих людей, – обездоленных не только несчастьем, но человеческой *злостью*. Они стали чужими потому, что *люди* – другие люди! – исключили их из своего сердца и из своей судьбы. Одиночество – страшное, жгучее, убийственное одиночество, которое снесает сердца стольких людей, – было долей Пречистой Девы Богородицы, Иосифа

Обручника и только что родившегося Христа. Он был чужой, никем не желанный, исключенный и выброшенный. Это – начало Его пути. И на этом пути Он приобщился ко *всем*, кто *так* живет и в *наше* время, – к чужим среди тех благополучных людей, которые должны бы быть им братьями. Но эти «чужие» презренны и побеждены подлостью, трусостью и злобой человеческой. Они уязвимы по своей хрупкости и по своей беззащитности. Поэтому дело христиан – *наше* дело! – увидеть в них образ Того Бога, Которого мы благоговейно сегодня чтим, и *таких людей* принять, как мы приняли бы теперь Христа, если бы Он явился перед нами обездоленным, уязвимым, беспомощным, презренным, ненавидимым, гонимым...

Вот **каким** явился перед нами Бог!

Он захотел стать одним из *нас* для того, чтобы ни один человек на земле не стыдился своего Бога и не думал, будто Бог *так* велик, *так* далек, что к Нему и подступиться невозможно. Он стал *одним из нас* в нашем унижении и в нашей обездоленности. Он не постыдился нас и «стал как мы все» не только в силу нашей материальной, земной обездоленности, не только потому, что мы обделены людской любовью, – но также потому, что Он сроднился и с теми, которых отталкивали от себя другие, – это были *грешники*. Он сроднился с ними через Свою любовь, через Свое понимание, через Свое прощение и милосердие. Он пришел возлюбить и взыскать не праведных, а грешников. Он пришел для того, чтобы ни один человек, потерявший уважение к себе самому, не мог подумать, что Бог потерял уважение к *нему*, что о Бог больше не видит в

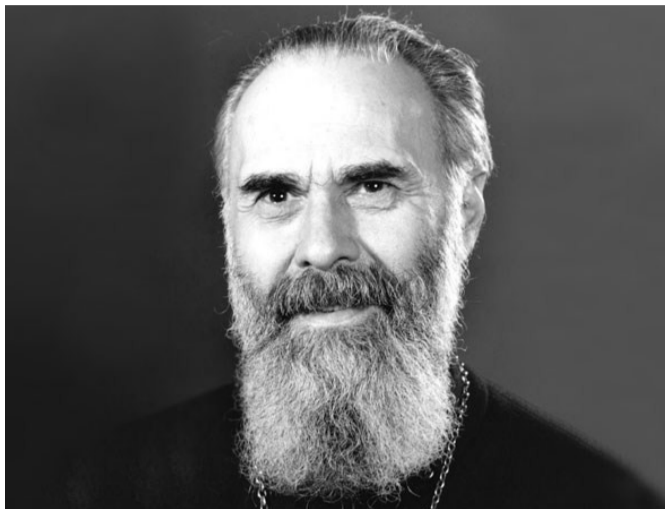
нем достойного Своей любви.

Сын Божий стал Человеком для того, чтобы все мы, *все без остатка*, – включая и тех, которые потеряли всякую веру в себя, – знали, что Бог верит в нас, верит в нас в нашем падении, верит в нас, когда мы извернулись друг во друге и в себе, верит так, что не боится стать одним из нас. Бог в нас верит, Бог стоит стражем нашего человеческого достоинства. Бог – *хранитель нашей чести*, и ради того, чтобы мы могли в это поверить, это увидеть воочию, наш Бог становится обездоленным, беспомощным Человеком. И лишь верящие в *силу* и ни во что иное, верящие в *свою* праведность, не найдут пути к Нему, до тех пор пока не покаются, пока не увидят, что смирение, любовь, жалость, милосердие – закон жизни.

Но во Христе нам **явился** не только Сам Бог с Его любовью и верой в нас, как страж нашего достоинства, как блюститель нашей правды, – Он **явил** нам величие человека. Если Бог мог сущностно стать Человеком, – то неужели мы не понимаем, **как велик** человек? Неужели мы не понимаем: человек **так** велик, что Бог может стать Человеком, и человек остаётся собой? И что **так** велико творение, которое Бог призвал к бытию, что человек может вместить в себя Бога? И что всё наше вещество – наша *плоть*, наша *кость* – способно быть *богоносным*, соединиться с Божеством и остаться собой?! И оно способно явиться нам во славе и величии, которого мы не видим, но которое видит Бог, и ради которого Он сотворил и нас, и всё вокруг!

Всмотримся в этот образ Воплощения: Христос явил нам смирение и любовь Божию, веру Божию во всех сотворенных, в нас, грешников, падших. Одновременно он явил, *как* мы можем быть велики, и *как* глубоко, *бездонно* глубоко творение Господне. Вот с такой верой мы можем жить и становиться людьми во всю меру Христова воплощения! Теперь мы можем рассматривать мир, в котором живем, не только как мертвый материал, а как то, что призвано стать в конце времён как бы видимым одеянием Божества, когда Бог станет всем во всём.

Какая слава, какая радость и надежда! Воспоем с благоговением, любовью и трепетом Рождество Христово, потому что для нас оно – вечная жизнь уже на земле, и оно же – слава всего сотворенного в вечности

на небесах.

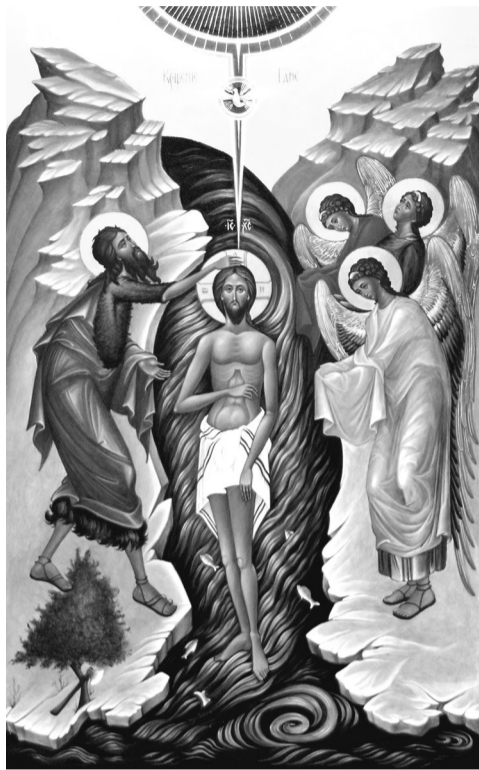
И Бог призывает нас помнить это и быть такими не только в нашей христианской среде, но и среди всего окружающего мира. Он призывает относиться к каждому человеку с *такой* же справедливостью – не судящей и осуждающей, но видящей в *каждом* человеке всю красоту, которой Он его наделил. Мы называем это *образом Божиим* в человеке. Он призывает нас преклоняться перед этой красотой, помогать этой красоте воссиять во всей ее славе, рассеивая всё злое и темное и, признавая ее в *каждом*, помочь ей этой красотой стать реальностью и победить, восторжествовать.

Он открыл нам также такую любовь, какой прежний мир не знал, а современный мир, как и древний мир, так боится, потому что эта любовь согласна быть уязвимой, беспомощной, изливающейся, истощающей себя, щедрой, жертвенной. Эта любовь отдаёт без меры; эта любовь дает не только то, что имеет, но и самое себя. Вот **что** принесли в мир Боговоплощение и Благая Весть (Евангелие) об этом! Вот **что** пребывает в этом мире! Христос сказал, что «свет во тьме светит, и тьма не может объять его», но не может и погасить. И свет этот светит и будет светить. Но победит он только в том случае, если мы станем его провозвестниками и делателями заповедей о правде и о любви, если *мы* примем Божие видение мира и принесем его всему миру, – принесём ему нашу веру, – то есть нашу уверенность и надежду – единственную силу, которая может помочь другим начать жить по-новому. Но для того, чтобы начать жить заново, они должны увидеть новизну в нас. Мир только «в зачатке» стал **новым** через соединение Бога с человеком, когда *Слово стало плотью*. Теперь же **мы** должны стать откровением этой новизны, славой и сиянием Бога во тьме или сумерках этого мира.

Да даст нам Господь смелость, любовь и великодушие быть Его провозвестниками и свидетелями, и да будет благословение Господне на вас. «Того благодатию и человеколюбием всегда: ныне, и присно, и во веки веков! Аминь».

Крещение Господне

Празнуется Православной Церковью 19 января

Крещение Иисуса Христа

В то время, когда Иоанн Предтеча проповедовал на берегах Иордана и крестил людей, Иисусу Христу исполнилось тридцать лет. Он также пришел из Назарета на реку Иордан к Иоанну, чтобы получить от него крещение.

Иоанн же считал себя недостойным крестить Иисуса Христа и стал удерживать Его, говоря: «мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?».

Но Иисус сказал ему в ответ: «оставь теперь», то есть не удерживай меня теперь, «потому что так нужно нам исполнить всякую правду» – исполнить все в Законе Божиим и показать пример людям.

Тогда Иоанн повиновался и крестил Иисуса Христа.

По совершении крещения, когда Иисус Христос выходил из воды, вдруг разверзлись (раскрылись) над Ним небеса; и Иоанн увидел Духа Божия, Который

в виде голубя спускался на Иисуса, а с неба был слышен голос Бога Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Тогда Иоанн окончательно убедился, что Иисус есть ожидаемый Мессия, Сын Божий, Спаситель мира.

ПРИМЕЧАНИЕ: См. Евангелие от Матфея (Мф.3:13–17); от Марка (Мк.1:9–11); от Луки (Лк.3:21–22); от Иоанна (Ин.1:32–34).

Крещение Господа нашего Иисуса Христа празднуется Святою Православною Церковью, как один из великих праздников, 6-го января (19 янв. н. ст.). Праздник Крещения Господня также называется праздником Богоявления, потому что во время крещения Бог явил (показал) Себя людям, что Он есть Пресвятая Троица, именно: Бог Отец говорил с неба, воплотившийся Сын Божий крестился, а Дух Святой сошел в виде голубя. А также при крещении впервые люди могли видеть, что в лице Иисуса Христа явился не человек только, но вместе и Бог.

Накануне праздника установлен пост. Этот день называется сочельником. В память того, что Спаситель Своим крещением освятил воду, в этот праздник бывает освящение воды. В сочельник освящается вода в храме, а в самый праздник в реке, или же в другом месте, где берут воду. Шествие для освящения воды называется Крестным ходом на Иордан.

ТРОПАРЬ ПРАЗДНИКА, ГЛАС 1:

Во Иорданѣ крещѧющуся Тебѣ, Господи,/ Тройчское явїся поклонїе:/ Родїтелей бо глас свидѣтельствоваше Тебѣ,/ возлюбленнаго Тя Сїна именуя,/ и Дух в видѣ голубїне/ извѣствоваше словесѣ утверждѣние./ Явлѣйсѧ

Христѣ Божѣ// и мир просвещѣй, слава Тебѣ.

Когда Ты, Господи, крестился в Иордане, тогда открылось (на земле с особенной ясностью) явление Святой Троицы: ибо голос Отца свидетельствовал о Тебе, называя Тебя возлюбленным Сыном, и Дух, в виде голубя, подтверждал истинность этого слова (т. е. подтверждал свидетельство Бога Отца). Явившийся Христос Бог, и просветивший мир, слава Тебе!

Извествоваше словесе утверждение – подтверждал истинность этого слова; явлейся – явившийся; мир просвещей – мир просветивший.

КОНДАК ПРАЗДНИКА, ГЛАС 4:

Явїлся есї днесь вселѣнней,/ и свет Твой, Господи, знѧменася на нас,/ в разумѣ поющих Тя:/ пришѣл есї и явїлся есї,// Свет Непрїстѣпный.

Иисус Христос в пустыне и искушение Его от диавола

После крещения Своего, Господь Иисус Христос удалился в пустыню для того, чтобы там, в уединении, молитвою и постом приготовиться к исполнению Своего великого дела, для которого и пришел на землю. Сорок дней и сорок ночей был Он в дикой пустыне, со зверями, не вкушая никакой пищи.

Там приступил ко Христу диавол и пытался хитрыми вопросами и обольщениями соблазнить Его на грех, как всякого человека.

Диавол сказал Иисусу Христу: (напрасно Ты мучишь Себя голодом) «если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни эти сделались хлебами».

Спаситель же сказал ему в ответ: – «в Священном Писании» (в Библии) сказано: не от хлеба одного зависит

жизнь человека, но от всякого слова, исходящего из уст Божиих». (Втор.8:3).

Тогда диавол повел Иисуса Христа в Иерусалим, поставил Его на крышу храма и сказал: «если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз (опасности для Тебя нет), потому что в Писании сказано: ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Пс.90:11–12).

Но Иисус Христос сказал ему: «в Писании сказано также, не искушай Господа Бога Твоего», т. е. где не нужно, не требуй и не ожидай чудес. (Втор.6:16).

После этого, диавол опять взял Его и возвел на высокую гору и там, во мгновение ока, показал Ему все царства мира, во всем их блеске и величии, и сказал: «Все это дам Тебе, так как власть над ними предана мне; и я кому хочу, даю ее. И так, если Ты падши поклонись мне, то все будет Твое».

Иисус Христос сказал ему: «отойди от Меня, сатана; ибо сказано в Писании: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Втор.6:13).

Тогда посрамленный диавол отступил от Иисуса Христа до времени и, тотчас, ангелы Божии явились и стали служить Христу.

Так Спаситель, победив искушения от диавола, показал этим, что Он пришел освободить людей от власти диавола, без всяких уступок злу.

ПРИМЕЧАНИЕ: См. Евангелие от Матфея (Мф.4:1–11); от Марка (Мк.1:12–13); от Луки (Лк.4:1–13).

По примеру поста Христова, Св. Православною Церковью установлен 40-дневный пост (св. четырёхдесятница), который называется великим и начинается за семь недель до праздника Пасхи – светлого Христова Воскресения, а также установлены и другие посты. Пост помогает человеку очистить себя от зла – от греховных наклонностей, помогает больше помнить о Боге и быть ближе к Нему.

https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Slobodskoj/zakon-bozhij/133

ПОУЧЕНИЕ НА БОГОЯВЛЕНИЕ

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Сей есть Сын мой возлюбленный, о нем же благоволих: того послушайте. (Мф. 3:17; 17:5)

Таков был глас предвечнаго Бога Отца к человекам о предвечном Боге Сыне, когда Сын, по воле Отца, действием Духа, вочеловечился от Девы, и совершал спасение погибшаго человечества. Братия! окажем послушание Сыну Божию, как того желает от нас Бог, да почует на нас Божественное благоволение.

Может быть, кто-нибудь скажет: «И хотелось бы мне послушать Сына Божия, но как достигнуть этого, когда уже протекло около двух тысяч лет с того времени, как Господь наш Иисус Христос пребывал на земле плотию, и проповедывал Свое всесвятое учение?»

Достигнуть того, чтоб быть нам постоянно со Христом, непрестанно слышать сладчайший глас Его, питаться животворным учением Его, – очень удобно: Господь Иисус Христос и доселе пребывает с нами. Он пребывает с нами во святом Евангелии Своем, пребывает с нами при посредстве святых

церковных таинств, пребывает вседушием Своим и всемогуществом, пребывает всеобильно, как приличествует пребывать неограниченному, всесовершенному Богу. Пребывание Свое с нами Господь явственно доказывает освобождением душ от греховнаго плена, раздаянием даров Святаго Духа, знаменами и чудесами многими.

Желающие приступить к Господу и присовокупиться к Нему всеблаженным совокуплением на веки, должны начать это святое дело с тщательнейшаго изучения слова Божия, должны начать с изучения Евангелия, в котором сокровен Христос, из котораго говорит и действует Христос. Слова Евангелия – Дух суть, и живот суть (Ин. 6:63). Они плотскаго человека претворяют в духовнаго, и душу, умерщвленную грехом и житейскою суетностью, оживотворяют. Они – Дух суть и живот суть: охранись великое слово Духа объясняй твоим разумом, пресмыкающимся по земле; охранись слово, преисполненное страшной Божественной силы, объясняй так, каким оно легко может пред-

ставиться мертвой душе твоей, мертвому сердцу твоему, мертвому уму твоему. Слово, произнесенное Святым Духом, и объясняется только одним Святым Духом.

Желающие приступить к Господу, чтоб услышать Его Божественное учение, Им оживотвориться и спастись, приступите, предстаньте Господу с величайшим благоговением и святейшим страхом, как предстоят пред Ним Его светлые ангелы, Его херувимы и серафимы. Вашим смирением соделайте землю, на которой вы стоите, небом. И возглаголет к вам Господь из святаго Евангелия Своего, как к возлюбленным ученикам Своим! А святые Отцы, истолковавшие святое Евангелие по дару Святаго Духа, да будут для вас руководителями к точному и непогрешительному разумению святаго Евангелия. Бедственно приступать к Евангелию, к живущему в Евангелии Господу Иисусу Христу, без должнаго благоговения, с дерзостью и самонадеянностью. Господь приемлет одних смиренных, преисполненных сознания своей греховно-

сти и ничтожества, преисполненных покаяния, а от гордых отвращается. Отвращение лица Господня от дерзкаго искусителя – так называю неблагоговейнаго, легкомысленнаго и холоднаго слышателя, – поражает искусителя вечною смертию. Возвестил богодохновенный старец Симеон о воплотившемся Боге-Слове: «Се лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо» (Лк. 2:34). Слово Божие – камень, камень безмерной величины и тяжести, – и падый на камени сем, сокрушится сокрушением неисцельным (Мф. 21:44).

Братия, будем благоговейными и деятельными слышателями Слова Божия! Окажем повиновение Отцу Небесному, Который сегодня возгласил к нам из святаго Евангелия о всесвятом Своем Слове: «Сей есть Сын мой возлюбленный, о нем же благоволих: того послушайте» (Мф. 17:5). Того слушаем! Того слушаем! и благоволение Отца Небеснаго почует над нами во веки веков. Аминь.

<http://www.pravoslavie.ru/50990.html>

Мои посмертные приключения

Юлия Вознесенская

Подхватив меня с двух сторон, Дед с Хранителем повлекли меня прочь от поганных ворот.

Когда я более-менее пришла в себя, они предупредили меня, что впереди осталось последнее мытарство — мытарство немилосердия. Я решила про себя, что мы его проскочим, но вслух ничего не сказала. И правильно сделала.

Никогда я не прошла мимо нищего, не подав ему хотя бы монетки, друзьям всегда была готова помочь в беде, любую вещь легко отдавала, если в ней кто-то нуждался. Занималась и прямыми делами милосердия: помощью семьям политзаключенных во времена политического террора, помогала чернобыльским беженцам и жертвам армянских землетрясений, а в годы перестройки занималась гуманитарной помощью пенсионерам в России. Каково же было мое изумление, когда на этом мытарстве в меня полетели обвинения в «немилосердии, доходящем до людоедства».

Технизированная нечисть снова предъясняла мне сцены из своих фискальных фильмов. Вот я спорю с отцом о политике, бью его цитатами из классиков марксизма-ленинизма, которых он, бедняга, знал хуже меня, читаю ему Декларацию прав человека, и объясняю, что это подписанный СССР международный документ, а вовсе не антисоветский самиздат, как он думал. Пока мы с ним спорим, позади нас появляются две тени — его и моя. И моя зловещая тень, ощерив длинные острые зубы, вгрызается в печень отца! Я ведь и вправду умела достать его до печенок.

Почти такие же сцены повторялись с моим мужем. Однажды он лежал в ванне, простуженный, больной и несчастный, а я, пользуясь его беспомощностью, стояла в дверях и грызла, грызла, грызла его, перечисляя все его реальные и предполагаемые измены. «Уйди, уйди, уйди Бога ради!» — кричал мой несчастный муж, но я не унималась.

На экране вода в ванне от моих слов зарозовела, потом покраснела и в конце концов хлынула через край кровавым потоком.

И подобных эпизодов моей жизни хватало на добрый десяток кровавых короткометражек. Я стояла и не знала, что можно на все это возразить. Оставалось только надеяться на Хранителя с Дедом.

И они меня выручили. Были представлены бесам и посылки из Германии в Россию, и эта самая гуманитарная помощь, — хотя бесы справедливо заметили, что половину ее растащили ворюги новых времен. Спасло меня драповое пальто моей тетки-пенсионерки, коммунистки с сорокалетним стажем.

Это была забавная история. Моя партийная тетюшка уже много лет не приходила к нам в гости, чтобы не встречаться с семейным уродом и недобитой антисоветчицей, то есть со мной. Мама, конечно, ходила к ней и помогала чем могла. И вот я собралась эмигрировать. Тетка узнала об этом и заявила в Пулковский аэропорт, чтобы публично проклясть меня последним партийным и семейным проклятием. Она встала в позу перед толпой провожающих меня друзей и начала громогласно от меня отречься и требовать, чтобы моя мама сделала то же самое — сейчас и немедленно! Позорище было несусветное, я не знала куда деваться, а провожающие гэбэшники повылезли из своих углов и стояли вокруг, одобрительно ухмыляясь. Тетка

дооралась до сердечного приступа. Пришлось нам с Георгием и мамой тащить ее в медпункт. Тетку раздели, измерили давление, сделали укол. Закаленная партия скоренько пришла в себя и поднялась, чтобы непримиримо удалиться. Я взяла с кушетки ее пальто, хотела помочь ей одеться, и ощутила непомерную тяжесть ватина и драпа. А на мне была новенькая норковая шубка, недавно присланная подругой из Нью-Йорка. Как сделать, чтобы тетка взяла ее взамен своего дремучего драпа? Времени оставалось в обрез, пришлось идти направо.

— Тетя, милая, прости меня! Я все поняла, я останусь и исправлюсь! Мы с Жорой пошли сдавать билет, а вы с мамой отправляйтесь домой. Надень мою шубку, чтобы не тащить на плечах эту тяжесть, а то свалишься по дороге. Потом я приеду к тебе, и мы снова поменяемся.

Совершенно обалдевшая тетка дала одеть себя в норковое манто, мама увезла ее на такси, а мы с Георгием помчались на таможенный досмотр. Но надо представить себе лица моих друзей и разных там корреспондентов, когда я появилась в венском аэропорту в теткинском драповом пальто с полысевшим кроличьим воротником! Сейчас моя тетя ходит на свои коммунистические митинги в норковом манто и не мерзнет.

Хранитель вдруг откуда-то извлек это ужасное теткинское пальто, накрыл им меня с головой и таким образом вывел с этого последнего мытарства! Потом пальто, естественно, исчезло.

— Неужели это все? Дед, миленький! Ангел мой! Скажите мне, все уже кончилось? — спросила я, когда мы отделились от последних бесов. Они успокоили меня, но в разговор со мной вступать не захотели.

За время нашего странствия по мытарствам Дед постарел и выглядел теперь лет на пятьдесят с хвостиком. Даже прекрасное лицо Ангела имело усталый вид. Мне следовало бы подумать, осмыслить пережитое, постараться что-то понять, но на это не было сил. Страх ушел, но осталась огромная пустота, ни о чем не хотелось ни говорить, ни думать, ни спрашивать.

Глава 3

Мы долго летели в молчании. Потом что-то в окружающей пустоте изменилось. Понемногу пространство начало заполняться золотистым туманом. Поблекшие одежды Ангела и Деда начали светлеть и вскоре стали ослепительно белыми, лица их преобразились: Дед помолодел, а Хранитель вновь обрел свою блистающую безмятежность. Впереди смутно виднелось нечто огромное и сверкающее — гора... облако?..

— Царство Божие приближается, — торжественно сказал Ангел.

— Слава Богу! — радостно откликнулся Дед.

Сияющее пространство откликнулось отдаленным многоголосым эхом: «Слава Богу... Богу... слава!..»

Потом впереди сквозь туман проступила громада белых с золотой окаемкой облаков, а из-за них веером по всему видимому пространству расходились солнечные лучи.

— Боже мой, сколько света и какая красота! — воскликнула я.

— Да, это Божия красота, которая и спасет мир, — сказал Дед.

Когда мы приблизились к облакам, они расступились перед нами, оставив лишь

легкую дымку. Под нами лежал широкий луг, на него мы и опустились.

— Вот мы и добрались, — сказал Дед. — Как хорошо вернуться домой!

— Да, хорошо, — кивнул Хранитель. — Возблагодарим Создателя!

Дед и Ангел опустились на колени и начали молиться, а я просто стояла рядом, справедливо рассудив, что слова о возвращении домой ко мне не относятся. Они молились долго, а я тем временем оглядывалась вокруг. За это время облачный туман успел рассеяться. По лугу вилась четкая желтая дорожка. Я не знала, как выглядит золотой песок, но я решила, что именно им она и была выстлана. Стоять на ней босиком было приятно, песчинки чуть покалывали подошвы ног, будто от песка исходили бодрящие целебные токи.

Тропинка вела к стене зеленых деревьев на горизонте: судя по ее ровным очертаниям, это был парк, а не лес. Над зеленой стеной угадывались нагромождения каких-то исполинских кристаллов — то ли мелевые горы, то ли дворцы. Меня так и потянуло туда, как обычно тянет человека из долины к горам, но я терпеливо дождалась моих спутников.

Наконец они кончили молиться и поднялись с колен.

— Пора нам идти, — сказал Хранитель.

— А куда мы теперь идем? — спросила я.

— На поклонение Господу.

— Он живет вон там? — я указала в сторону парка.

— Какая глупая. Он живет везде, а там — место, куда освобожденные из земного плена души должны явиться, чтобы Господь вынес о них Своё решение. Ты готова в путь?

— Конечно!

Мы пошли по золотой дорожке. Идти было легко и приятно: мне не нужен был воздух для дыхания, но я всем существом наслаждалась его свежестью, напоенной запахом трав и цветов. Мы довольно скоро поравнялись с первыми деревьями, стоявшими поодиночке. Я никогда не встречала на земле таких деревьев, хотя ездила по свету немало. Стволы их были стройны и высоки, куда выше самых исполинских австралийских эвкалиптов, а листья поражали величиной, яркостью и формой. Мы прошли в трех шагах от большой березы: ее кора казалась белым атласным шелком, черные отметины будто вычерчены угольным, а корона была как нежно-зеленое кружево. Скромные земные березки вспомнились мне как плохонькие копии этой идеальной березы.

Сверху слетел лист и, кружась, лег мне прямо в вовремя подставленные руки. Он был чуть меньше моей ладони, поверхность его была покрыта тончайшей алмазной пылью. Я поднесла листок к лицу и вдохнула чудесный запах — и березовый, и вместе с тем какой-то особенный свежий и чуть-чуть пьянящий.

— Вот так и должна была бы пахнуть настоящая береза на Земле, — сказал Дед, заметив, что я упиваюсь запахом слетевшего мне в руки зеленого подарка. — А почему земная береза утратила этот запах?

— За грехи человека.

— Как это?

— Очень просто: зло через человека проникло на Землю и исказило ее и все существующее на ней.

— Проникающая радиация?

— Что-то в этом роде.

Я дала березовому листку слететь с мо-

ей ладони.

Мы поспешили вперед и вскоре вошли под своды парка, полного таких же чудных деревьев. Я сразу заметила, что между ними совсем нет больных, а в кронах не видать ни одной сухой или обломанной ветви. Некоторые деревья были в цвету, на других было полно плодов.

Дорожка, по которой мы шли, скоро превратилась в довольно широкую аллею, а затем просветы между деревьями увеличились, и я увидела другие дорожки и тропинки, со всех сторон вливавшиеся в нее. По ним шли люди в сопровождении ангелов, и все они двигались в одну сторону, туда же, куда и мы. Вдалеке я увидела людей, сажавших деревце.

Мы подошли к речке, через которую был перекинут белый выгнутый мостик, выточенный, как мне показалось, из слоновой кости. Я остановилась, опершись на легкое перильце, и посмотрела вниз. На спокойной воде покачивались белые, розовые и голубые лилии, а между ними сновали... нет, не золотые, а самоцветные рыбки, и каждая была похожа на драгоценность. Я бы, наверное, и сейчас там стояла, любуясь на них, но Ангел тронул меня за плечо, и мы пошли дальше.

Потом мы поравнялись с фонтанами, сделанными из гигантских розово-жемчужных раковин, расположенных в несколько ярусов наподобие римских фонтанов. Возле них стояли деревянные скамейки, так и манившие присесть, но мне опять не позволено было задержаться, хотя так хотелось побыть здесь и полюбоваться взлетающими ввысь и падающими в перламутровые чаши струями воды, насладиться их нежным и успокаивающим журчанием.

— Здесь настоящий рай! — воскликнула я.

— Нет, моя милая, — сказал Дед, — это еще не Рай, это только самая скромная его окраинка.

— Если так, то мне не надо другого Рая, я согласна и на окраинку!

Дед и Ангел-Хранитель переглянулись.

— Что, я опять что-то сморозила?

— Вроде того, — сказал Дед. — Не тебе и не нам решать, какая тебя ждет «окраинка».

Возразить на это было нечего. Парк постепенно перешел в роскошный сад, по которому раскинулись цветники разнообразнейших форм и размеров, полные цветов, по большей части мне неизвестных.

Но и знакомые цветы отличались от земных разительней, чем альпийские цветы отличаются от обычных: например, кусты вереска в мой рост, усыпанные колокольчиками величиной со средний бокал для шампанского.

Меня совершенно ошеломили розовые и сиреневые деревья со стволами в добрый обхват и целыми облаками цветов в вышине.

Длинные гирлянды разноцветных глициний перекидывались с одного дерева на другое над самой аллеей, огромные душистые кисти свисали прямо над нами, и Ангел, который был намного выше нас с Дедом, отводил их рукой от своего лица. Аромат миллиардов цветов показался бы одуряющим, если бы сад не овеивался легким прохладным ветерком.

Деревья были полны птиц, нарушавших царившую здесь тишину негромким мелодичным пением.

Иногда совсем рядом со мной пролетали бабочки, плавно машущие крыльями, огромными, как расписные японские веера. Я то и дело останавливалась, чтобы получше рассмотреть то необычный цветок, то хрустальную стрекозку, а Дед с Ангелом меня поторапливали.

Дорога сделала новый поворот и стала еще шире. Теперь люди и ангелы шли рядом с нами, шли впереди и позади нас. Ангелы были ростом с моего Хранителя, лица у них были разные, но все одинаково прекрасны.

Многих людей ангелы вели за руку, это было похоже на то, как отцы водят детей по утрам в детский сад, — такая примерно была разница в росте между людьми и их хранителями: совсем нетрудно было догадаться, что их связывали те же узы, что и меня с моим опекуном. Некоторые, как и мы, шли втроем: человек, ангел и святой. А иные души сопровождала целая группа святых, но эти были и сами на святых похожи, их тела не были, подобно моему, мутновато-прозрачными, но были наполнены светом, как у Деда.

Среди людей были и старики, и дети, и зрелые люди; по одеждам и по лицам судя, они принадлежали к разным народам Земли.

Но облик рядом с ангелами и святыми они больше всего напоминали фигурки, вырезанные из черно-белой фотопленки. Я оглядела себя и убедилась, что выгляжу ничем не лучше других: я была серая, как очень грязная фарфоровая статуэтка. На мне по-прежнему не было ничего, кроме больницы простыни и крестика, правда, теперь сиявшего, как настоящий, материальный золотой крестик. Вообще-то одежда здесь особого значения не имела, так как состояла из той же субстанции, что и тела, сливалась с ними, как это бывает у скульптур. Некоторые люди были обнажены, но это, кажется, не волновало ни их самих, ни окружающих.

— Дед! А почему души такие разные? Одни святятся больше, другие меньше.

— Так ведь и люди разные! Ты вот у нас совсем темненькая душка, — улыбнулся Дед.

Хорошо ему было улыбаться, сам-то он весь так и светился, будто у него внутри была вставлена тысячесвечевая лампа, а на его лицо лучше было не смотреть — такое вокруг него разливалось сияние.

Я решила, что пора уже показать характер:

— А ты, Дед, сияешь так, что тебе надо бы, выходя из дома на прогулку, надевать на голову абажур, а то ослепнуть можно.

В ту же секунду я оказалась лежащей на золотом песке дорожки с гудящим затылком: мой Ангел-Хранитель дал мне подзатыльник!

Пораженная, я уселась на дорожке и решила, что с места не сойду, пока он не извинится.

Ангел тут же склонился надо мной и сказал:

— Прости меня Бога ради! Я не удержался. Мне столько раз хотелось проделать это при твоей жизни, но ведь возможности не было: вот я и сделал то, о чем мечтал почти сорок лет, — и он протянул мне руку.

Я засмеялась и поднялась, потирая затылок. Дед, похоже, на меня не обиделся, но был явно доволен, что мне влетело от моего Ангела-Хранителя.

Ангел продолжал:

— Твое пустословие может тебя погубить, Анна. У твоего дедушки на голове мученический венец, которому и ангелы завидуют. Мы, небесные духи, почитаем святых, а ты позволяешь себе подшучивать над святостью. Что за бесстрашие такое!

— Разве плохо быть бесстрашным? — Плохо не иметь страха Божия. Это хуже, чем бесстыдство.

— Как можно бояться Бога, если Он, как вы сами говорите, милостив и любит людей?

— Можно. Можно любить и по любви бояться огорчить. Господь милостив, но Он и справедлив. Мироздание построено Им на строжайших законах гармонии, любви и справедливости. Мир — симфония, сочиненная Богом, а тебе было предназначено пропеть в ней всего лишь одну ноту — твою собственную, единственную жизнь, такую короткую и такую незаменимую. Бог милостив, но если ты пропела ее фальшиво, то не звучать тебе в этой музыке с Божиего листа, ты просто выпадешь из нее. Вот мы идем к Создателю, чтобы узнать Его решение о тебе, а ты не испытываешь ни страха, ни трепета. Какая же в тебе духовная пустота накопилась! Как ты жила, чем ты жила!

Все бродило и поднималось во мне от этих слов, хотелось заявить о своей не любви к хорошему пению, о желании «вернуть билет», да просто взбунтоваться, наконец! Я хмуро молчала, а Хранитель с улыбкой на меня поглядывал, как взрослый смотрит на дующего ребенка. «Он смеется надо мной!» — подумалось мне.

— Успокойся, я над тобой не смеюсь. Мы, ангелы, вообще не смеемся. Смех дан людям для защиты от страхов, это всего лишь лекарство. А нам неведомы ни страх, ни болезнь.

— Но ты читаешь мои мысли! — возмутилась я. Захотелось тут же остановиться и повернуть назад. Вот только куда?

— И не темней, пожалуйста! Не читаю я твоих мыслей, в этом нет никакой необходимости, — они у тебя все на лице написаны.

Но ты напрасно беспокоишься о своей независимости, тебя никто ни к чему приневолить не будет: если ты не хочешь идти со всеми на поклонение Господу, можешь вернуться на Землю. Есть души, которые скитаются по ней целыми тысячелетиями — вы их зовете «привидениями» и сочиняете о них сказки. Но учти, что потом ты и захочешь, но не сможешь покинуть Землю! Не страх, а красота меня удержали: сад, по которому мы шли, с каждым шагом становился все великолепней, птицы пели все радостней, и я была уверена, что впереди будет еще лучше. Топнуть ногой о небеса и отказаться идти дальше? Ну уж нет! Я сделала вид, что отвлеклась на разглядывание тюльпанного дерева на краю дорожки, а потом кротко засеменила дальше.

Еще один поворот, и перед нами развернулась дорога такой ширины, что и краев ее не было видно из-за множества идущих по ней людей и ангелов.

— Смотри, Аннушка! Это души людей, скончавшихся примерно в одно время с тобой.

— Здесь те, кто успешно прошел через мытарства?

— На поклонение к Богу попадают все, кто верил в Него, а задержанные на мытарствах могут попасть сюда позже, если их вымолят люди и святые.

— Ты хочешь сказать, что среди этих людей нет ни одного неверующего?

— Нет.

— А я?

— И ты не была неверующей — ты была глупой.

— Ну, я же не в лесу росла, я даже Библию читала. И я, конечно, верила в какой-то единый Разум, в какой-нибудь единый космический центр информации...

— Вот на такие глупенькие головки и расчитаны явления всяких инопланетян.

Ответить было нечего, пришлось опять проявить смирение.

— Послушай меня, Аннушка! — Дед остановился и склонился ко мне. Мне стало жарко и неловко от венца, пылавшего над его головой, и я слегка отодвинулась. Но он продолжал крепко держать меня за руку и не дал отойти. — Послушай меня, бедное мое дитя!

То, что сейчас с тобой происходит, всего лишь томление грешной души перед встречей с Создателем. В этом нет ничего удивительного или даже слишком плохого. Но ты должна сделать над собой

усилие и отринуть нелепые мысли и страхи, оставить свое пустое человеческое самомнение. Погляди-ка вперед!

Я посмотрела туда, куда он указывал. Дорога, по которой мы шли, упиралась в высокую гору, вершину которой скрывало сияющее облако. Прямо к нему вела широкая белая лестница, по которой поднимались люди в сопровождении ангелов. Сквозь облако светился огромный крест.

— Мы идем туда, там — Бог, — продолжал Дед. — Он увидит тебя всю как есть. Он оценит твою душу и твои мысли, размыслит о каждом прожитом тобой дне и определит твою судьбу до Страшного Суда. Оставь свои мудрования и сосредоточься на этом. Собери все душевные силы, Анна! Это куда серьезней, чем ты в состоянии себе представить. Если можешь, молись. И не мешай нам с Ангелом молиться о тебе.

— Хорошо, Дед, я буду стараться.

Я в самом деле постаралась откинуть все мысли и даже попробовала молиться такими словами: «Прости меня, Бог, но я не хотела ничего плохого! Я не знаю, почему я должна Тебя бояться, и не боюсь. Прими меня в Свой прекрасный Рай, только дай мне, пожалуйста, остаться собой!»

Я очень удивилась, когда мы подошли ближе к горе: ее вид абсолютно не вязался с окружающим великолепием, даже противоречил ему. Если не считать широкой лестницы, склон горы был диким и голым и сплошь усыпан осколками каменной желтоватого цвета.

Кое-где за них цеплялись безобразные колючки; их змееподобные толстые стебли были сплошь усеяны длинными шипами, а среди них виднелись маленькие алые цветочки, будто капельки крови. Гора казалась раскаленной, безжизненной, и было очевидно, что кроме как по лестнице на нее невозможно взойти.

Широкая и крутая лестница, разделенная несколькими площадками, была выложена из грубых каменных плит, частью выщербленных от древности. Подходя к ее ступеням, многие люди опускались на колени и благоговейно целовали камень. Некоторые так, на коленках, по лестнице и поднимались.

Дед и Хранитель тоже приложились к желтоватым плитам и велели сделать то же самое и мне.

— Это — Голгофа, — сказал Дед.

Опять символика, подумалось мне, поскольку я знала, что настоящая Голгофа находится в Иерусалиме, но я послушно поцеловала горячий камень, и мы начали всходить по широким ступеням.

По мере того, как мы поднимались по лестнице, становилось все жарче, над ступенями струился раскаленный воздух, а с вершины горы лился такой ослепительный свет, что вскоре я уже не могла поднять глаз от ступеней.

С трудом я дошла до первой площадки, где уже многие всходящие по лестнице приоткрылись для отдыха.

— Ты устала, Аннушка? — спросил Дед.

— Очень жарко и глазам больно от этого блеска. Я посижу немного...

Я заметила, что некоторые люди сидят, прислонившись к каменному ограждению лестницы, будто бы в поисках тени, хотя никакой тени здесь не было. Посидев немного, я поднялась и сказала, что готова идти дальше, но стоило мне ступить на первую ступень нового пролета, как я почувствовала сильное головокружение и вынуждена была остановиться.

— Не можешь идти дальше? — с тревогой спросил Хранитель.

— Кажется, не могу. Сверху таким зноем веет, что нет сил терпеть!

Дед притянул меня к себе и накрыл мою голову широким белым рукавом рясы. Идти стало немного легче. С великим трудом, останавливаясь почти на каждой ступени, мы добрались до второй площадки, и тут я бессильно опустилась на обжигающие плиты.

— Делайте со мной что хотите, но дальше я идти не могу!..

Дед с Хранителем стояли надо мной с

потерянными лицами. Потом Ангел сказал:

— Мы больше ничего не можем сделать, как только умолять.

Они встали рядом и начали молиться, устремив глаза на крест в ослепительном облаке. В ушах у меня стоял звон и слов я разобрать не могла, я только услышала что-то про «обманутую заблудшую душу» — про меня, значит...

К ним присоединились другие ангелы, чьи подопечные бестолково топтались или валялись, подобно мне, на этой площадке.

Пели они прекрасно, но легче нам от этого не становилось. А между тем другие ангелы вели мимо нас своих бодро шагающих питомцев, оглядываясь на нас с искренним сочувствием. Впрочем, выше была еще одна площадка, и там тоже хватало застрявших...

Когда умолк ангельский хор, сверху раздался звук наподобие фанфар, громкий и торжественный, а затем наступила полная и абсолютная тишина, и в этой тишине чей-то спокойный голос произнес всего три слова: «ОНИ НЕ ГОТОВЫ!». В этой фразе не звучало обличения, она не была похожа на приговор — только ясность и сожаление. Опять раздался согласный и утверждающий звук небесных труб, а затем другой голос, молодой и звонкий, добавил еще несколько фраз, смысла которых я не поняла, но поняли мои спутники. Они поднялись с колен, и то же сделали другие ангелы и души.

— Идем, Анна, — сказал Хранитель, — Божие решение о тебе состоялось. Тебе будет дана отсрочка, — слава милосердию Его!

Мне дана отсрочка — от чего? Все было смутно и непонятно, но я была довольна уже тем, что теперь можно спуститься с этой страшной лестницы.

Мы сошли вниз, потом по какой-то боковой дорожке обогнули Голгофу и оказались в тени высоких кедров. Ангелы и люди исчезли за их темными стволами, разбредаясь по аллеям парка.

Пройдя сквозь кедровую рощу, мы попали в заросли цветущих рододендронов, миновали их, и тут тропинка нырнула под нежно-зеленый навес папоротниковых деревьев. Здесь было свежо и сыро, чувствовалась близость воды. Вскоре мы оказались в небольшом тенистом ущелье с узкой речушкой, чистой и говорливой. Здесь мы присели у воды.

— Ты можешь напиться и умыться, — сказал Хранитель. — Это святая вода.

— Напиться? Разве я могу пить? — удивилась я.

— Попробуй, — сказал Дед.

Я зачерпнула ладонями холодную воду и осторожно поднесла ее к губам. Сделала глоток, другой, — и сладкая прохлада разлилась по моему измученному телу. Сразу стало легко и хорошо, но слабость и легкое головокружение остались.

— Я могу пить! — обрадовалась я.

— Ты можешь и подкрепиться, — сказал Ангел и сорвал с куста, склонившегося над берегом, ветку, полную больших красных ягод. Я взяла протянутую ветвь и попробовала одну ягоду: у нее был вкус лесной земляники, а величиной и формой она напоминала крупную вишню. Это было неописуемо вкусно, но вторую ягоду я доедала уже только потому, что успела ее надкусить.

— Можно мне остальные взять с собой? — спросила я.

— Зачем? Впереди мы встретим много разных плодов и ягод, а эти пусть по воде — пусть рыбки порадуется.

Дед взял у меня ветку и пустил ее по течению. Я успела заметить стайку рыбок, бросившихся за ней. Потом я сидела у воды и отдыхала, а Дед с Хранителем о чем-то толковали между собой без слов. Я еще раньше заметила, что вслух они говорили только тогда, когда хотели, чтобы я их слышала; в другое время они общались каким-то беззвучным способом.

Но я понимала, что речь все время идет обо мне, и это меня успокаивало: пускай они думают и что-нибудь придумают, а я пока подремлю немного...

Мне дали отдохнуть, но недолго. Дед сказал, что хочет отойти и помолиться один, а Хранитель поднял меня, велел еще раз умыться святой водой, посадил под кустик и принял меня, бедную, воспитывать.

Из его слов выходило, что я всю жизнь жила неправильно и вообще никак не гожусь.

Это звучало обидно, но с его точки зрения, наверное, правильно: в Бога я верила смутно, Иисуса Христа считала великим просветителем древности, а Церковь — организацией, долженствующей охранять традиционные моральные ценности. Ангел мой заявил, что без искренней веры и без полноценной церковной жизни, а главное — без покаяния все мои хорошие поступки и доброе сердце (это он так сказал) не могут спасти меня для вечной жизни с Богом. Притом из его слов каким-то образом выходило, что это не Бог отверг меня, а я Его! Как это я могла отвергнуть то, о чем не имела ни малейшего представления?..

— Объясни мне, почему Бог со мной жесток? Мытарства я прошла, выгляжу не хуже других. Вон сколько душ на той лестнице было куда темней меня!

— Ты светлее их только потому, что тебя просвещает мученичество твоего деда. Это особая благодать русских, но не все души достойны этого дара, а потому и не могут им спастись.

— Это что ж, выходит, нам, русским, на Небесах особая честь уготована? Православный шовинизм какой-то...

— Помнится, ты совсем не удивилась, когда тебе было сказано, что кровью твоего деда омыты грехи его предков и его потомков.

— Это я помню. Но при чем тут Россия, если речь шла о нашей семье?

— В России за последнее столетие мучеников появилось едва ли не больше, чем за всю историю гонений на христианство. Вам повезло: почти в каждом роду оказался новомученик или исповедник, их ведь тысячи было убито за веру. А над всеми российскими мучениками стоит Государь-Мученик, замученный и убитый Царь-Отец всего русского народа, за всех вас ближайший к Богу молитвенник и проситель[7]. И все они вместе окружили Божий Престол и молятся непрерывно о спасении России. Но тут есть одна очень важная деталь: ничьи молитвы не могут тому, кто сам не молится! А вы заняты чем угодно, только не личным спасением.

— А если бы вы с Дедом просто взяли меня на руки и подняли на самый верх, к Самому Богу, и попросили Его за меня?

— Ты бы растаяла, приблизившись к Нему, как поднесенная к огню снежинка.

— А вам с Дедом этот огонь не страшен? — Нас Он питает и согревает, любит и просвещает.

— Так что же теперь будет со мной?

— А сейчас тебя ждет неза заслуженное утешение: мы отвеем тебя в райскую обитель, куда ты могла бы попасть, если бы прожила достойную жизнь. Там ты пробудешь почти неделю, ровно шесть дней, а на девятый[8] ты отправишься в уготованное тебе место в аду, где такие же, как ты, избежавшие страшно го адского огня или геенны, но не достойные Рая, ждут Страшного суда или помилования.

— Это очень плохое место? Меня там будут мучить бесы?

— Место незавидное, но власть бесов там не безгранична. Ты сможешь там молиться, если сумеешь. Но надежды не теряй: за тебя будет молиться вся Церковь.

— Дед говорил, что за нас с мамой на Земле некому молиться.

— Я сказал «вся Церковь», то есть как земная ее часть, так и небесная. Церковь одна на Земле и на Небе, понима-

ешь? Все нужное, чтобы помочь тебе, уже совершил и продолжает совершать Спаситель, а мы только помогаем Ему маленькими нашими силами.

А потом я подумала, что, может быть, то место, куда мне придется отправиться, окажется не таким уж плохим, раз туда попадают подобные мне души. Будет у нас там своя компания, наладим какую-нибудь общественную жизнь: можно устроить, например, религиозно-философский семинар, чтобы обсудить открывшуюся нам новую реальность.

А бояться особенно нечего, если бесы там не лютуют: жила же я в тюрьме и в зоне, жила даже в коммунальной квартире...

Дед закончил свою молитву и подошел к нам, и мы тут же отправились дальше по тропинке вдоль речки. По дороге нам встречались небольшие водопады, шумевшие и сверкавшие среди влажной пышной зелени папоротников, кружевной спаржи с красными бусинками ягод, венериных башмачков и мхов разнообразнейших видов и оттенков.

Лес близко подступал к берегам, кое-где тропинка забегала в него, а потом возвращалась к воде. В листве деревьев посверкивали цветы лиан и эпифитов, а среди корней во влажном мху блаженствовали орхидеи, которые тут были представлены наверняка получше, чем в оранжерее Ниро Вульфа[9]. Тропинка долго вилась по дну ущелья, а потом, как-то сразу и неожиданно, вывела нас в широкую долину, лежащую среди гор со снежными вершинами. У меня, если можно так сказать, учитывая нынешнее мое естество, дух захватило от величелипия раскинувшейся передо мной картины.

Прямо перед нами медленно текла река, принявшая в себя и речку, вдоль которой мы вышли в долину, и множество других рек, ручьев, ручейков и водопадов, стекавших, сбегавших и падавших с зеленых горных склонов. Река изобиловала островками: одни были высокими, скалистыми, поросшими цветущими вьющимися растениями, другие лежали полого и на них росли серебряные и золотые ивы, так и сиявшие на фоне темно-изумрудной травы, а некоторые острова, поросшие елями и кедрами, лежали, как темные караваи на скатерти синего шелка.

Деревья в долине росли то группами, то выстраивались рядами вдоль дорог и дорожек, а то вдруг сбегались в рощицы. Деревья-одиночки были особенно высокими и поражали царственной формой и величиной. Не преувеличивая скажу, что многие из них были высотой с телебашню.

Дорог было немало, но ни одной асфальтированной или крытой бетоном, в основном грунтовые или вымощенные белыми известковыми плитами и прямоугольными брусками разноцветных гранитов, и был этот гранит по насыщенности цвета ближе к яшмам и агатам, чем к лучшим гранитам невосских набережных.

На дальнем краю долины река впадала в большое синее озеро. На его холмистых берегах раскинулась то ли большая деревня, то ли маленький городок, весь осиянный золотистым светом, но сам белый-пребелый, с высокой колокольней в центре.

— Нам туда! — указал Дед рукой в сторону городка. — Вон там видна колокольня церкви, в которой я служу. Рядом с нею дом, где живет наша семья.

— Наша семья?

— Да. Моя матушка и ее сестра. Ты их не успела узнать при жизни, они умерли до твоего рождения, ну так теперь познакомиться. И там ждет тебя еще один человек, которому ты будешь очень рада.

— Неужели брат Алеша?

— Да.

— Пойдем, пойдем к нему скорей, Дед, миленький! — Мы скоро дошли до самого озера, и тут мой Хранитель вдруг ска-

зал:

— Дальше я с вами не пойду, вам лучше провести первый день в своем семейном кругу. Чего ты боишься, глупая? Здесь ты в полной безопасности и тебе не нужен Хранитель.

— Я вовсе не боюсь, но я привыкла к тебе.

— Завтра я навещу тебя.

Зашумели его прекрасные светло-огненные крылья, он взмыл ввысь, обдав нас ветерком, превратился в чудную белую птицу, сделал над нами круг и исчез в лазури. А мы с Дедом, взявшись за руки, быстрым шагом пошли по дороге к городку.

Возле первых домов на скамье под большим развесистым вязом сидели юноша и девушка. Увидев нас, они поднялись и поспешили нам навстречу. Я замерла в радостной надежде.

— Здравствуй, сестренка! — сказал юноша и протянул ко мне обе руки.

Неужели Алеша? Что-то было в его лице очень знакомое, но трудно было мне сразу признать в этом стройном красавце прежнего маленького и круглолицего братишку, с которым в детстве мы были похожи, как две капли воды, даже челочки носили одинаковые, ему только косичек не хватало. А теперь передо мной стоял молодой человек с короткой светлой бородкой и длинными кудрями, мой брат-близнец, но намного меня моложе.

Одет он был почти как Дед, только без креста на груди.

— Алеша?

Мы обнялись и долго стояли молча и потрясенно.

— Ты сюда насовсем, Аня? — Я помотала головой.

— Мы потом все расскажем, — вмешался Дед. — Познакомь Анну с бабушкой, Алексей.

Бабушка? Я хоть и не застала свою бабушку, но знала, что умерла она в пятьдесят с лишним лет: как же может быть моей бабушкой эта цветущая молодая женщина?

— Тебя удивляет, что у тебя тут такая молодая бабушка? — улыбнулся Дед. — Привыкай, здесь все люди одного возраста — нам всем по тридцать три года. Дети вырастают, а старики молодеют до возраста Христа. Бабушку твою зовут Екатериной.

— Можно просто Катя, — сказала моя молодая бабушка и троекратно поцеловала меня. — Добро пожаловать, Аннушка!

— А почему Нина нас не встречает? — спросил Дед.

— Она печет пирог к встрече дорогой гостью, — сказала Катя, и все они почему-то засмеялись.

Мы прошли по главной улице городка, миновали площадь со старинным замшелым фонтаном и подошли к церкви. Дед сказал, что хочет зайти в храм, а нам велел идти в дом без него.

Мы с Катей и Алексеем направились к видневшемуся в глубине прицерковного сада белому двухэтажному дому под зеленой крышей с треугольным фронтоном. Шесть колонн по фасаду отделяли от сада веранду и поддерживали эркер второго этажа.

Когда мы, переговариваясь, подошли к дому, на веранду вышла красивая молодая женщина в белом фартуке и длинном голубом платье с засученными рукавами. Я догадалась, что это бабушкина сестра Нина. Протянув ко мне перепачканные мукой руки, она воскликнула:

— Внучка! Аннушка! Наконец-то! — и, резво сбегав по ступенькам, обняла меня.

И эту бабушку мне пришлось называть просто Ниной.

Меня провели в дом и показали его: внутренним убранством он напоминал старинные русские усадьбы. Мне отвели комнату на втором этаже, она выходила окнами в сад, как и все комнаты в этом доме.

Потом пришел Дед, а Нина объявила, что пирог готов, и позвала всех к столу. Мы сидели на веранде за большим круглым столом, ели пирог с вишнями и пили чай. Это было странно, я все тайком поглядывала, не просвечивают ли вишни сквозь мою обложку, но все было в полном порядке: они просто растворились в моем теле без остатка.

За чаем Дед в немногих словах объяснил ситуацию, и все, естественно, очень за меня огорчились. Алеша, сидевший рядом, во время рассказа не выпускал моей руки.

После чая мне предложили отдохнуть, в чем я действительно нуждалась. Как я узнала позже, в Раю никто не спал, поскольку в этом не было необходимости, поэтому и постелей как таковых в доме не было, но и в моей, и в других комнатах стояли кушетки и диваны, на которые можно было прилечь для отдыха.

Когда меня оставили одну, я немного полегала на диване, но потом поднялась и села у окна, положив руки и голову на подоконник, и просто смотрела на видневшееся вдали озеро с плавающими по нему лебедями и утками, на острова, на одинокий парус у дальнего берега. Я ни о чем не думала, ничего не желала и даже ни о чем не жалела, так мне было хорошо и спокойно...

Глава 4

В мою дверь постучали, и вошел Алеша.

— Ты отдохнула, сестренка?

— О, да! Скажи, а что тут со временем? Какой сегодня день и который час?

— Видишь ли, Аннушка, времени тут уже нет, ты вошла в вечность. Но по традиции в Долине Учеников продолжается счет на часы и сутки по земному времени: так привычнее для тех, кто пришел в вечность недавно. Мы считаем, что сейчас шесть часов утра, скоро начнется литургия. А почему ты спросила о времени?

— Ну как же, Алеша, ведь мне было сказа но, что у меня всего шесть дней. Вот я и хочу знать, сколько времени у меня еще осталось, чтобы побыть с вами. Ты можешь мне дать какие-нибудь часы?

— Какие угодно. Наверно, тебе понравятся вот эти. — Раздалось негромкое шипение, а потом зазвучала негромкая старинная музыка. Куранты. Я оглянулась и увидела у стены высокие напольные часы с резной башенкой и пожелтевшим от древности круглым циферблатом с римскими цифрами. Он был расписан золотыми розами. Фигурные стрелки стояли вертикально.

Куранты доиграли изящную мелодию, и часы мелодично прозвенели шесть раз.

— Красота! Как же я не заметила их раньше?

— А раньше их и не было, я их только что вспомнил. Эти часы стояли в детской библиотеке, куда мы с тобой ходили брать книги. Помнишь, на улице Герцена?

— Помню. Там еще были потолки, поделенные на квадраты темными дубовыми балками, и в каждом квадрате был нарисован сюжет из детской сказки. А эти часы стояли в маленьком зале, где нам устраивали встречи с детскими писателями. Но как они попали сюда?

— Из моей памяти. Я подумал, что тебе будет приятно узнавать время именно по этим часам. Они будут показывать время и одновременно напоминать тебе о том, что времени, в сущности, нет, что наше детство не исчезло, что мы властны над своим прошлым.

— Теперь понимаю, откуда в доме столько прекрасных старинных вещей!

— Ты правильно угадала: мы окружаем себя вещами, которые были милы нам в той жизни. Необходимости в них никакой нет, но они приятны сердцу.

— Но вы же не транспортируете их с Земли ракетами?

(Продолжение в №132)

История Православной Церкви

Дворкин

Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-130)

Флорентийский собор, несомненно, был громадной уступкой папства православному экклесиологическому сознанию, или, более конкретно, византийским требованиям проведения совместного "собора объединения". До 1438 г. Запад два века подряд наотрез отказывался прислушаться к византийской позиции. Флорентийский собор ознаменовал серьезную перемену в стратегии папства: наконец-то были признаны справедливыми византийские требования проведения открытой дискуссии по всем вопросам, разделяющим христианство.

Византийское видение разрешения проблемы христианского разделения было впервые сформулировано патриархом Иосифом I в 1273 г. в меморандуме, адресованном Михаилу VIII Палеологу им и его синодом. Михаил настаивал на безоговорочном принятии всех папских условий. Патриарх Иосиф заявил, что никакой дипломатический план достижения церковного единства не сможет увенчаться успехом, если не будет основан на свободном и открытом обсуждении всех проблем. Какими бы ни были военные и политические выгоды унии, но

если ее навязывать сверху, то она будет обречена на провал. Церковь никогда не решала таким путем проблемы расколов и разделений. Патриарх Иосиф воистину выразил общее мнение Церкви: во всем православном мире после Лионской катастрофы и в течение всего XIV в. созыв Вселенского собора - призыв к диалогу - виделся как единственный способ залечить христианское разделение.

Как впоследствии выразился во время переговоров с римской делегацией монах Иоасаф (бывший император Иоанн Кантакузин), предложивший конкретный план созыва Вселенского собора: "Причина, предотвращающая ваше стремление к единству от воплощения в жизнь, - это факт, что ни разу с начала раскола вы (латиняне) не пытались добиться его (единства) дружескими или братскими методами. Вы всегда придерживали высокомерный, осудительный, авторитарный подход, никогда не допуская мысли, что мы или кто-либо иной может противоречить чему-либо, изреченному папой, или тому, что он, возможно, изречет в будущем, ибо он - преемник Петра и поэтому говорит глаголом Самого Христа".

Призывы императора воплотились в жизнь созывом Флорентийского собора. Очень важно отметить, что план Кантакузина выражал общее мнение паламитского монашества, которое возглавило византийскую Церковь в XIV в. Современные западные ученые часто подчеркивают антилатинскую и антиунионистскую позицию паламитского монашества. Паламиты представляются религиозными экстремистами, зилотами и обскурантистами, которые, в принципе, были против любых переговоров об объединении Церквей; их сопротивление, дескать, в конце концов и привело к неудаче Флорентийского собора.

Однако такое изображение паламитов далеко от объективности хотя бы потому, что оно основано на взглядах их средневековых оппонентов - в частности, "гораздо более просвещенных" и "экуменически настроенных" гуманистов, таких, например, как Димитрий Кидонис и Никифор Григора. Никто не отрицает, что монахи не принимали политических унионистских планов, которые пытались провести в жизнь многие византийские императоры. Из-за своих религиозных убеждений монахи разделяли мнение Кантакузина, что только совместный со-

бор может привести к каким-либо результатам. Попытки преодолеть разделение таким - соборным - образом получили активную поддержку паламитских лидеров, которые исходили прежде всего из своей естественной приверженности соборной экклесиологии. Как и Кантакузин, они были убеждены, что единство, достигнутое без свободной дискуссии и обсуждения всех вопросов, было бы самообманом и просто бесполезным. Что бы ни писали современные западные исследователи, разделение между паламитами и латинофонами произошло в плоскости методологии и системы ценностей, а не в отношении к идее церковного единства самой по себе. По словам прот. Иоанна Мейендорфа, мистическое богословие, сформулированное соборами 1341 и 1351 гг., подразумевало (естественно, для паламитов, а не для их оппонентов латинофонов) абсолютный приоритет религиозного знания не только над политикой, но даже и над национальными интересами.

8. Конечно, византийцу было довольно сложно стать "экуменистом". латинской иерархии на Востоке и об унионии, пережитом православными на Лионском соборе.

И тем не менее византийцы продолжали выступать за объединительный собор как за единственный разумный и действенный способ прекратить раскол.

Несомненно, византийцы воспринимали отсутствие евхаристического общения между ними и латинянами как серьезнейшее затруднение, но ради церковного единства готовы были временно отложить эту проблему на потом, равно как и проблему западного церковного колониализма. Византийцы всегда воспринимали соборы в экклесиологическом контексте, как прежде всего внутрицерковные события. Необходимым условием для собора было единство всех его делегатов в вере и участие в единой Евхаристии. В конечном итоге лишь только члены Церкви могли участвовать в Соборе, еретики исключались из соборного общения.

Ввиду этого, если бы в XIV в. применялись строгие экклесиологические принципы, Запад никогда не смог бы принять участие во Вселенском Соборе. В то время уже окончательно отсутствовало необходимое условие для такого участия - евхаристическое общение. Собор не мог бы быть экклесиологически оправдан. И тем не менее византийцы

готовы были обойти это ограничение. Во Флоренции, во всяком случае, восточные и западные участники встречались и участвовали в совместных соборных заседаниях, хотя между ними не было ни вероучительного, ни евхаристического единства. Каждая из сторон считала другую в лучшем случае схизматиками, а в худшем - еретиками. И в этом смысле Флорентийский собор коренным способом отличался от Вселенских Соборов прошлого.

Весьма характерен для западного менталитета тот факт, что первоначальный папский ответ на византийские соборные предложения был категорически отказом. Подход к этой проблеме авиньонского папства XIV в. принципиально ничем не отличался от папства XIII в., как, например, папы Климента IV в его переговорах с императором Михаилом VIII. Папское отношение к созыву Вселенского Собора для завершения раскола было непоколебимым: обсуждение того, что уже раз и навсегда определено Римской церковью, в принципе, невозможно. Единство достижимо лишь одним способом: безоговорочным возвращением в Рим. Такой ответ был преподан

Кантакузину, Варлааму и паламитским патриархам. Никаких перемен не предвиделось.

Перемены начали происходить лишь после 1415 г. и собора в Констанце. Вызов, брошенный западным консилиариизмом, не говоря уже о хаосе, вызванном Великим расколом, заставил Рим пересмотреть свою позицию неприятия того пути возвращения к единству, который предлагался византийцами. Так уж получилось, что папа Мартин V (1417-1431) и его преемник **Евгений IV (1431-1447)** не были столь свободны, чтобы поступать как им вздумается. Мартин V, "соборный" папа, должен был слушаться собора и реформаторов, которым он был обязан своим избранием: он более не мог делать вид, что православные предложения о проведении собора абсолютно неприемлемы. Ни тот ни другой папа уже не располагали такой властью, чтобы требовать "обращения" или "подчинения" Православной Церкви.

И, таким образом, византийская соборная экклесиология мало-помалу начинала казаться более приемлемой для папских кругов. Можно даже сказать, что постепенное принятие предложения

паламитов о встрече двух Церквей без предварительных условий и на равных началах было фундаментальной уступкой со стороны папства, если не капитуляцией. Ранее высказывавшееся Римом мнение, что его вероучительная позиция и организация не подлежат обсуждению, было тактично, хотя и не без затруднений, отодвинулось на задний план. Папистам-фундаменталистам, прибывшим во Флоренцию, было очень трудно переварить, что собор готовился вынести решение о западных вероучительных позициях. Для папы Евгения, который являлся фанатичным защитником папского верховенства и в этом качестве презирал конституционалистские теории консилиаризма, присутствие православной делегации на Флорентийском соборе должно было казаться вопиющей несообразностью. Конечно, он никогда не проявлял открытой невежливости по отношению к своим гостям из Константинополя. Но, с другой стороны, по словам современного английского историка, "несмотря на улыбки и церемониальные поклоны, к грекам относились как к схизматикам и еретикам, которые должны в ближайшее время подчиниться Риму".

9. Итак, обе стороны признали необходимым проведение объединительного собора вскоре после завершения работы собора в Констанце. Посланники императора присутствовали в Констанце, но лишь на правах обозревателей, так что дискуссии не получилось. Интересно, что папа Мартин в глубине души считал, что Константинополь на самом деле готов принять римскую веру без дискуссий и оговорок и византийцы просят собора, чтобы спасти репутацию и оправдать свою капитуляцию перед римским престолом. Но вскоре папской делегации, направленной в Константинополь в 1422 г., дали понять, что собор, созданный в качестве ширмы для торжественной фактической ратификации унии, был бы неприемлемым для византийцев. Византийцы также сообщили, что если папа заинтересован в проведении собора, то финансировать его придется ему же: в имперской казне нет для этого денег.

Но не только недоразумения между Римом и Константинополем задерживали подготовку собора. Борьба между куриалистами и консилиаристами продолжалась. Папе Мартину при всем его нежелании пришлось, согласно предписаниям Констанцы, провести в положен-

ный срок **Павийско-Сиенский собор (1423)**. Все это было весьма нежелательным развитием событий для папы: ни Мартин, ни его преемник Евгений IV не стремились поддерживать консилиаристский конституционализм.

Стремясь к возрождению папской монархии и отстаивая свою позицию, Мартин и Евгений выказали себя чрезвычайно искусными политиками. В 1430 г. было опубликовано соглашение между греками и латинянами о принципиальном согласии на созыв собора. Последний великий византийский император Мануил II скончался за несколько лет до заключения этого соглашения. Перед смертью он принял монашеский постриг с именем Матфей. На смертном одре (1425 г.) он дал последний совет своему сыну и наследнику Иоанну VIII - все время вести с латинянами переговоры об объединении Церквей, но никогда не отступать от Православия и ничего не подписывать.

Иоанну VIII достался в наследство практически один город. Находившееся на Пелопоннесе Морейское княжество являлось, по существу, независимым государством, которым управляли три его брата. Это было единственное место

из всех остатков Византийской империи, которое еще относительно процветало. Однако его столица Мистра, хотя и гордилась своими дворцом, замком, монастырями и школами, больше походила на укрепленное село, чем на настоящий город.

Великая империя умирала, и это осознавали все. Спасти ее могло только чудо.

10. В 1431 г. папа Мартин скончался. Его преемником был избран Евгений IV - убежденный противник консилиаризма. Но в том же 1431 г. германский император Сигизмунд созвал **собор в Базеле (1431-1449)**. Евгений не был настолько уверен в своих силах, чтобы сразу же идти на противостояние, и он послал туда своего легата кардинала Чезарини. Однако, несмотря на этот шаг папы, свою работу собор начал с резких шагов, направленных на конфронтацию: вспомнив решения Констанцы, он потребовал у Евгения предоставить полный отчет о деятельности папства за прошедший период. Евгений решил идти на разрыв: он издал указ, распускающий собор, но тот проигнорировал его и отказался подчиниться. К 1433 г. Евгений капитулировал, отозвал свой указ и вновь начал

переговоры с собором. И вот во время всех этих перипетий каждая из сторон, преследуя собственные цели, обращалась к грекам с предложением о соборном восстановлении единства. То, что базельцы даже направляли собственные делегации в Константинополь с приглашением византийцам прибыть на собор для проведения переговоров об объединении Церквей (независимо от папы, также направлявшего свои делегации в византийскую столицу с той же целью), являет всю глубину взаимной оппозиции и даже враждебности двух сторон.

Небольшая константинопольская делегация отбыла на собор, чтобы на месте выяснить условия, предлагавшиеся немцами. Одним из ее членов - византийских посланцев в Базеле - был игумен столичного монастыря Исидор (будущий митрополит Московский). По прибытии на собор он произнес речь в поддержку объединения Церквей; оно, по его словам, "создаст памятник, который сможет соперничать с Колоссом Родосским; его вершина достигнет небес, а его сияние осветит как Восток, так и Запад".

(Продолжение в №132)

Дорогие братья и сестры, приглашаем вас на богослужение!

Расписание богослужений

Январь 2021 г.

Сб. 09.01.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 10.01.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия

Сб. 16.01.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 17.01.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия

Пн. 18.01.2020 г. — 09:00 — Крещенский сочельник. Великая Вечерня и Божественная литургия. Великое Освящение воды.

В ночь с Пн. 18.01.2020 г. на Вт. 19.01.2020 г.— 00:00 — **Святое Богоявление. Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.** Всенощное бдение. Божественная литургия. Великое Освящение воды.

Сб. 23.01.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 24.01.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия

Сб. 30.01.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 31.01.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия

Февраль

Сб. 06.02.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 07.02.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия

**Крещение и венчание по договорённости,
по прохождении двух огласительных бесед**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.

Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям,

если стала ветхой, сожгите.

Редактор: протоиерей Максим Липунов

Тел. +7-951-577-96-59

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево,
ул. Советская, 25.

Сайт Прихода: kuz.cerkov.ru

Тираж: 100 экз.

Храм открыт:

В будние дни с 11:00 до 14:00

Суббота с 11:00 до 14:00

с 16:00 до 19:00

Воскресенье с 09:00 до 14:00